

Нелли Тарба

Капля в море

Нелли Тарба — талантливая абхазская поэтесса, творчество которой отличается романтической окрыленностью, тонким лиризмом. Взволнованны и своеобразны стихи поэтессы о море, неразделимо сливающимся для нее с обликом родной Абхазии; глубокой нежностью дышат стихи о сыне.

«Капля в море» — третья книга Н. Тарбы, вышедшая на русском языке.

Художник Ю. Н. Ростовцев

СОДЕРЖАНИЕ

- «Песней сладкой, словно соловей...» *Перевела И. Лиснянская*
- «Когда-то рядышком с тобою...» *Перевела И. Лиснянская*
- Семь букв — семь капель... *Перевела И. Лиснянская*
- Моя деревня. *Перевела И. Лиснянская*
- Ткварчельский дождь. *Перевела И. Лиснянская*
- Кама. *Перевела И. Лиснянская*
- Ровесницы. *Перевела И. Лиснянская*
- Стихи о сыне, написанные до его рождения. *Перевела И. Лиснянская*
Гуаша Сатанея и я
Во сне
Беспокойство
Я дарю тебе
На вершине
Чего хочет мать?
- Ночь и мой стих. *Перевела И. Лиснянская*
- Жду, жду... *Перевела И. Лиснянская*
- Я смеюсь. *Перевела И. Лиснянская*
- «Нет, ничто меня не испугает...» *Перевела И. Лиснянская*
- Человек моря. *Перевела И. Лиснянская*
- Никто не хочет смерти. *Перевела И. Лиснянская*
- Двое на берегу. *Перевела И. Лиснянская*
- Скрывалось солнце. *Перевела И. Лиснянская*
- Последнее яблоко. *Перевела И. Лиснянская*
- «Маленькая девочка...» *Перевела И. Лиснянская*
- Гитара. *Перевела И. Лиснянская*
- Мельница № 4. *Перевела И. Лиснянская*
- На могиле героя. *Перевела И. Лиснянская*
- Абхазец и море. *Перевела И. Лиснянская*
- Афонский монастырь. *Перевела И. Лиснянская*
- Всегда со мной. *Перевела И. Лиснянская*
- Стих и море. *Перевела И. Лиснянская*
- Твоя любовь. *Перевела Р. Казакова*
- Хозяин. *Перевела Р. Казакова*
- «Смела я...» *Перевела Р. Казакова*
- Диоскуриада. *Перевела Р. Казакова*
- Мое село, моя отрада. *Перевела Р. Казакова*
- Здравствуй, степь. *Перевела И. Лиснянская*

* * *

Песней сладкой,
словно соловей,
разве не желаю вас
развлечь я?
Разве жажды нет
в душе моей
удивить вас
длинной умной речью?

Чтоб блаженно
вы внимали мне
иль часами
мудрость постигали
и, ее постигнув
не вполне,
все ж меня
за речи уважали.

Кто прослыть
не хочет соловьем,
преуспеть
на поприще высоком,
чудо отыскать
в себе самом.
стать в своем отечестве
пророком?

Только почему-то
иногда,—
нет, не иногда,
а очень часто,—
чувствую без всякого стыда,
что иного
хочется мне счастья.

Говорить,
как люди говорят,
просто так,
как говорят в народе,
без особых трелей
и цитат
о любви, о хлебе,
о погоде...

Говорить
без пены на устах,
говорить
неторопливо, сидя,
о своих успехах
и делах,
о своей беде

или обиде,
чтобы стих — стихом
и речью — речью,
чтобы жизнь
стояла за словами,—
пусть не поразить
и не развлечь,
но предельно понятой
быть вами.

* * *

Когда-то
рядышком с тобою
мечталось мне,
писалось мне.
Не находила я покоя
со строчками наедине.

Они рождались
прямо в поле,
текли,
как чайные листы
в мои ладони,
а тем боле,
что рядом находилась ты.

О мама,
ласковая мама,
как берегла ты
каждый стих,
как ты словам моим внимала
и как ты освещала их!

* * *

В тебе в одной —
была вся сила,
ведь каждая моя строка
была
как капля молока,
которым ты меня вскормила.

Но ты
не ведала о том.
Срывая чайные листочки,
склонялась
над моим листом:
откуда дар такой у дочки?

Но вот уж нет тебя в живых,

и я гляжу
померкшим взглядом,
но молоко твое —
мой стих
течет
и шепчет:
«Нет! Ты — рядом!»

СЕМЬ БУКВ — СЕМЬ КАПЕЛЬ...

Были у меня
такие времена,
легкие,
как с трав высоких семена.
Легкая пора — легкие заботы.
У подножий гор я искала что-то.
Что-то я искала,
что-то находила,
то цветы, то ягоды
маме приносила.
Я искала их,
а они — меня.
Что еще находят среди бела дня?

Были у меня
такие времена,
быстрые и звонкие,
словно стремена.
Играла я в прыгалки,
скакала по дороге,
щекотал мне щиколотки
пыльный подорожник.

* * *

Гонялась я за бабочкой,
а она — за мной.
Давно исчез,
как бабочка,
мой детский след шальной.

Детский след мой канул,
и вместо него
семь букв вижу —
семь капель —
и больше ничего.
Всего семь букв —
искание,
всего семь букв —
находка.
И давней этой мании

я подчиняюсь кротко.
Верна простому бременю,
как иголке нить,
хоть все трудней со временем
искать и находить.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

На северном краю моей деревни —
горы неприступною стеной,
и ледники поблескивают древние
зеркальною своей голубизной.
Моя деревня —
это волны чая,
зеленый и ступенчатый простор.
Здесь чайные ряды
берут начало
у самого начала
синих гор.
Плантация,
над ней бессилен ветер,
она
словно застывшая река,
и каждое здесь дерево
как веер,
густая тень — прохладней родника.
Здесь солнце пахнет чаем золотистым,
весельем,
разгоняющим печаль.

* * *

Здесь руки девичьи —
как руки пианисток;
плантация —
зеленый их рояль.
Вот это все и есть
моя деревня.
Вся горковатость чайная и сладость —
единое
в любви моей дочерней.
Моя деревня!
Здесь я родилась.
И здесь,
между ущельями сверкая,
на выдумки полезные хитра,
любимая моя,
моя седая,
достойно к морю движется Хипста.
Единственная дочь моей деревни,
она — среди ночи — ясный день в окне,

и сила ее —
молодость деревни
и все,
что предстоит изведать мне.
О нет,
я не прикрашиваю краски!
Моя деревня
у любых ворот
вас встретит хлебом-солью
по-абхазски —
букет из чайных листьев поднесет.

Здесь чашек
не наполнят чаем жидким,
в моей деревне чай
пьяней вина.
В ней жизнь всегда кипит
во имя жизни.
Моя деревня!
Здесь я рождена.

ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь дождь, дождь — песня без слов
стучит по вершинам горным,
стучит по черным крышам домов,
как будто по клавишам черным.

Такого не видела синяя Бзыбь...
А дождь продолжает литься,
и небо похоже на черную зыбь
или на жатый ситец.

Такого дождя
не видела я
ни в Гаграх
и ни в Сухуми.
В Ткварчели каждая капля дождя —
минута моих раздумий.

И нету предела раздумьям моим,—
стоит дождевая завеса.

Сквозь дождь
тяжело пробивается дым,
рождаемый в трубах ГРЭСа.

Покрашены черным
все крыши подряд,
и стены
и листья даже.
Ткварчели!

Ткварчели углем богат
и, стало быть, копотью также.

На Бзыбь не похожа Галидзга,
она черна, как ткварчельский уголь,
идет, как буйвол, ее волна,
а дождь не идет на убыль,
сквозь копоть идет, оставляя след
черный, как в шахтах щели,
и каждая крыша здесь — документ
о том, что Ткварчели — Ткварчели.

Неважно, приезжий ты или гость,
но поневоле скоро
в гулкий и черный ткварчельский дождь
станешь похож на шахтера.

Прекрасен Ткварчели, умытый дождем!
Но, женщины из Ткварчели,
как управляетесь вы с бельем,
со стиркой трижды в неделю?

От вас я не слышала до сих пор
ни жалобы и ни вздоха,
но в долгу перед вами
все женщины гор
и, может, сама эпоха.

А дождь хлопотать продолжает: лить,
по крышам усердно хлопать.
Решил, о Ткварчели,
с тебя он смыть
всю пыль от угля и копоть.
Дождь, дождь затеял дела —
наивен он в самом деле!
Ведь если отмоеет тебя добела,
какой же тогда ты Ткварчели?!

КАМА

В старину в селе моем
имена меняли.

Девушка шла в новый дом
замуж ее брали.
Шла она красивая,
как солнечный рассвет,
шла она стыдливая,
как персиковый цвет.
Шла она,
и вместе с ней
в новый дом шло имя,

имя,
в день рожденья ей
данное родными.
Такое же прекрасное,
как она сама,
такое же ясное,
как она сама,
такое же гордое,
как она сама,
женское имя,
такое же доброе
как она сама,
такое же чистое,
как рассвет и персик.
И долго-долго слышалась
свадебная песня.

Но только умолкала
свадебная песня
и птицей улетала
в голубую даль,
как тут же отнимала
имя у невесты,
с собою забирала,
как свадебную шаль,
имя ее прежнее,
имя ее нежное...

Звали прежде Камой
или, скажем, Шамой,—
сразу становилась
Мадиной
иль Шазиной.
И хвалилось имя то
новое
упрямо
в новом ее доме
новою родней.
— Вот какое имя
стало у невестки! —
хвасталась нередко
мужняя родня.

— Вот как мы назвали
милую невестку! —
хвасталась соседке
свекруха у плетня.
Всем то имя
нравилось,
всеми оно славилось.
Только, может, Каме
было не по нраву,
но сказать об этом

не имела права.

В то имя
наряжалась
от туфель до гребенок,
ах, имя то
цеплялось,
как за подол ребенок,—
то требовало пищи,
то требовало смеха,
то требовало жизни,
а то —
совсем немногого.

Но вдруг,
как будто эхо
девичества далекого,
в деревне, по соседству,
из-за калитки детства
вдруг раздавалось:
Кама!
Куда идешь ты, Кама?
О чем поешь ты, Кама?
И что несешь ты, Кама?

И вот бежит,
бежит она,
нет, не бежит —
летит она
со стаей
выросших детей
навстречу юности своей.
С дочками-невестами
наперегонки
летит она
в прелестные,
в минувшие деньки.

А там —
все та же песня,
что имена меняла...
все та же,
та же песня...
И женщина рожала
детей
на радость дому,
что был и прав
и счастлив
и к имени былому
не проявлял участия.
Она детей рожала,
ну, а сама седела,
без всяких слез и жалоб
на седину глядела.

Но не была
уж так бедна
ей выпавшая доля!
О, не была она
одна,—
был кто-то в этом доме,
который
в брачной амхаре*
на бледно-розовой заре
иль в полнолуние спелое
седую голову ее,
как будто розу белую,
к груди любовно прижимал
и тихо гладил
и шептал:
Кама,
Кама, миленькая моя,
Кама,
Кама, маленькая моя!..

* *Амхара — брачный домик*

РОВЕСНИЦЫ

Собираю я
листочки чайные.
Память
словно ветер за спиной...
Все мои отчаянья
и чаянья
связаны, плантация,
с тобой!
Я была девчонкой
в ярком платьице,
да и ты тогда
была мала.
Ты росла со мной,
моя плантация,
от земли
лишь на ладонь была.
О тебе пеклись тогда
все взрослые,
словно о ребенке
о грудном.
Ну а я
тащила куклу с косами,—
мы с тобою
строили ей дом.
Прикрывала куклу ты
побегами...

Всем была работа,
мне — игра.
Каждый лист
для взрослых был победою.
Миновала
детская пора...
О, как мы с тобою вместе выросли!
Детство
только в памяти моей.
Сколько мы ветров
с тобою вынесли,
сколько светлых
выпили дождей!
Наше детство —
лишь воспоминание
нежное,
как чайные листья.
Не плохое было воспитание,
если так вот
вымахала ты!
Ты полна и щедрости
и сытости,
обещанья
завтрашнего дня.
На одну ладонь
еще бы вырасти —
и догонишь ростом ты меня.
Каждый лист
в глазах у сборщиц светится,
и мои глаза —
твой чайный цвет.
Нам расти и впредь,
моя ровесница,
ведь для нас с тобой —
предела нет...

СТИХИ О СЫНЕ, НАПИСАННЫЕ ДО ЕГО РОЖДЕНИЯ

ГУАША САТАНЕЯ И Я*

Сатанея, Сатанея,
Гуаша Сатанея!
Говорила ль я тебе
про свои страдания?
И про то, что у меня
нету ночи, нету дня,
нету сна и нет покоя?
Слышала ли ты такое?
Знаю, может быть, вполне,
светлым днем иль ночью черной
позавидовать и мне
кто-то может безусловно.

Может, так и есть оно...
Жизнь мне столько благ дарила,
о которых тебе было
даже думать не дано.
Нет душе моей предела,—
есть стихи в моей судьбе,
но при этом, что поделаться,
я завидую тебе!
Может, думаешь, красою
зависть вызвала во мне,
брежу, думаешь, косою,
каждою твоей косою
наяву я и во сне?
О конечно, это радость —
обладать хотя б лучом
красоты твоей!
Но зависть
тут, Гуаша, ни при чем!
...Волос вьющийся и тонкий —
косы по спине текут.
Половину б мне!
Да только
зависть ни при чем и тут.
Сотого ждала ты сына!**
Первого я жду сейчас.
Вот где зависти причина,
вот что связывает нас.
Девяносто девять детей
ты родила,
и всем ты пищу дала
и воспитание,
и с тем же трепетом
сотого ты ждала,
как первого жду я сегодня,
о Сатанея!
Ты — материнства богиня,
раба доброты,
ты — чудо-женщина,
ты — героиня-женщина,
вещее произведение природы ты,
хоть не владела магией
слова вещего.
Эх, если б мне быть похожею на тебя,
сколько было б вокруг
перемен разительных,—
статных и храбрых детей
нарожала бы я
и провожала бы их
из ворот родительских
в мир!
Одному б поручила я
речь свою,
другому бы я поручила

мудрость молчания,
и каждому бы вручила я
честь свою,
и явные думы свои,
и тайные чаянья,
и они прозвучали б
сильнее стократ,
и открылись бы дали
светлее стократ.
О если бы я на тебя
похожею быть могла,
детям своим
вручила бы песни и знания,
как редкая мать в историю бы вошла,
как знаменем целого эпоса ты была,
так стала бы я
для целого рода знаменем.
Эх бы, владеть мне
магической силой твоей!
Гуаша, услышь меня
и одари своей магией!
Я б еще больше, чем ты,
удивляла людей,—
ведь обладаю пером я
и писчей бумагою!
Словом магическим
я бы сумела помочь,
я бы нашла это слово,
высокое,
сильное,
чтоб у желающих дочери —
появилась бы дочь,
и появился бы сын
у желающих сына,
и чтоб все женщины
были такими, как ты,
и чтоб рожала по сотне детей
каждая женщина.
Желанья мои драгоценны и очень просты,
как камушки горной реки
и капельки жемчуга.
Гуаша Сатаня,
Сатаня, сколько раз
прошу твоего я дара
и вслух и мысленно!
Тогда бы никто не говорил о нас,
как о семье малочисленной!
О, как бы тогда
я возвысила наши дела,
о, как бы тогда
я прославила б наше отечество!
Рожая детей
и владея пером,

я б вошла
прочнее, чем ты, в историю человечества.
Я слово пророческое
изрекла б наконец,
сказала бы миру
такое стихотворение:
«О люди,
пускай не грозит вам нартов конец!***
О люди,
пусть вечно вам нартово будет рождение!»

ВО СНЕ

Ты снился мне, но и во сне
ты не давал покоя мне.
О как меня ты удивлял!
Мне сон по-разному являл
тебя — то утренней звездой,
то ярким солнцем в час дневной.

И я бежала за тобой,
как за счастливою судьбой,
тебя ловила, как лучи
или как звездный свет в ночи,
а ты все время ускользал.
О, как меня ты удивлял!
И я молилась за тебя,
и я шептала про себя:
пусть не крадет тебя рассвет —
и днем дари мне звездный свет,
будь солнцем, освещая путь
дневной. И ночью солнцем будь!

Ты снился мне, но и во сне
ты не давал покоя мне.
О, как меня ты удивлял!
Сон на ладони мои клал
тебя — то в облике цветка
пушистого, как облака,
то на ладонях у меня
лежал ты, как комок огня,
то нежный, словно свежий сыр,
то круглый и большой, как мир.

Ты на ладонях у меня
лежал, и трепетала я,
не знала, что тебе сказать,
не знала, как тебя держать.
Во сне с тобой наедине
светло и страшно было мне.

Я насмотреться не могла,

но и смотреть я не могла
подолгу, чтоб не сглазить вдруг.
Не доверяла силе рук
своих, что нянчили тебя,
рукам не доверяла я,
не доверяла ничему.
И даже сердцу своему
тебя доверить не могла,
хоть я под ним тебя несла,
и ни земле, ни небесам,
ни даже собственным глазам.
Ах, не могла я насмотреться!
Не знала я, куда мне деться
от счастья, что цвело во мне,
как солнце в ясной вышине.
Не верилось, что это ты —
плод моей плоти и мечты,
абхазца долгожданный сын
и полновластный властелин
всей жизни будущей моей,
хозяин всех грядущих дней.
Ты снился мне, но и во сне
ты не давал покоя мне.

БЕСПОКОЙСТВО

Я вышла из себя, я сделалась волной,
я вышла, как река из берегов весной.
Кто замечал за мной такое свойство,
чтобы свое я выдавала беспокойство?

Годится ль человек, которого хочу,
которому земля и небо по плечу?
Растут мои волненья и надежды,
расходятся по швам мои одежды.

Ты станешь ли лучом в моих родных краях,
ты станешь родником в моих родных горах
и каплею во всенародном море
и колосом на золотом просторе?

Ты скажешь ли мне голосом родимых рек,
что в мир еще один явился Человек?
Ты оседлаешь ли умело Ариш-ли****
чтоб облететь все стороны земли?

Услышу ль в твоей речи речь народа
и скажется ль в тебе его природа —
его горячность, непреклонность, стать?
Ты, может, сразу скажешь мне, кем хочешь стать?

Прости меня, мое грядущее дитя,

что любопытна так и требовательна я.

Простите, люди, мне мою нескромность,
но не могу уже я скрыть огромность
своих надежд, ведь я так долго жду,
так долго к своей радости иду!

О, ты родись, мой мальчик, поскорей,
и все уладится! Прижмись к груди моей!
И я пойму, прижав тебя к груди,
что все мои терзанья позади.

Я ДАРИЮ ТЕБЕ

Чем обрадовать тебя, что мне подарить
что мне подарить тебе, не знаю.
Я в богатстве не привыкла жить,
путь к богатству и тебе я преграждаю!

Чем обрадовать тебя мне, наконец?
Может, тебе выстроить зеркальный,
как у нартов некогда, дворец,
чтобы виден был из дали дальней?

Может, для тебя бзоу-коня*****
вырастить, пасти в открытом поле,
чтобы ты умчаться от меня
в час любой на том коне был волен?

Что мне подарить тебе, любя?
Может быть, стопарусное судно?
Иль найти заране для тебя
девушку прекрасную, как Гунда?*****

Может, тебе крепость возвести,
что устойчивей стены абхазской,
иль планету с твоим именем найти,
на которой не житье, а сказка?

Что придумать мне для счастья твоего,
чем тебя обрадовать, не знаю.
Нет, заране не готовлю ничего!
Путь к готовому тебе я преграждаю!

Что могу тебе я дать — тебе я дам!
Родину я дам тебе навеки,
Человека из тебя создам,
чтобы мир узнал
о новом Человеке!

НА ВЕРШИНЕ

Сумею, сумею, смогу
сегодня без всякого страха
взойти на вершину Ерцаху*****
и, стоя на ярком снегу
и глядя в огромную синь,
сказать необъятному миру:
Ликуй! У меня будет сын!
Быть в доме великому пиру!
И все, что в душе и в дому,
все, что моим сердцем воспето,
все песни отдам я тому,
кто первым услышит об этом.
Дождусь этой радости я —
извечного миротворенья.
Да здравствует ноша моя —
мое вековое терпенье!
Я жду эту радость века.

Призыву природы я внимлю
с тех пор, как впервые нога
Адама ступила на землю.
С тех пор,
с тех столетий и лет,
когда материнская сила
впервые явилась на свет,
я жду появления сына.
Я жду его с Первых времен
и с Первого сердцебиенья!
Хоть в муках рождается он,
дождусь я его появления!

ЧЕГО ХОЧЕТ МАТЬ?

Чего хочет мать от детей своих?
Она немного хочет от них.
Ей —
лишь бы счастливы были они,
чтоб их миновали тревожные дни.
Ей — лишь бы
большой немеркнущий свет
и чуточку счастья на старости лет,
внимательность дочери,
ласковость сына.
Дочерние слезы
и мужество сына —
в день кончины...

* *Сатанея Гуаша* — героиня *Нартского эпоса*

** *Сотый сын Сатаней* — *Сасрыкwa*.

*** Со смертью Сасрыквы кончается род нартов.

**** *Ариш-ли — сказочный абхазский конь.*
***** *Конь Сасрыквы.*
***** *Дочь Сатаней.*
***** *Ерцаху — самая высокая гора в Абхазии.*

НОЧЬ И МОЙ СТИХ

Кругом глубокая тишина —
ни звука,
ни огонька.
Ночь слепа в объятиях сна,
но мне не уснуть никак.

Окно баюкающе-черно,
но что-то мне трудно дышать,—
передо мной,
как дневное окно,
белеет моя тетрадь

и просит себя заполнить листвою,
проходимыми
и дождем.
И рифма капелькою густой
дрожит на перо моем.

Все тишине уступил соловей —
он ради ночи стих.
И только мой стих
хозяином в ней,
мой неуступчивый стих.

ЖДУ, ЖДУ.

Все жду тебя.
А ночь в окне
черней моей косы.
И сердце в этот час во мне
превращено в часы.

Смотрю,
как в пропасть,
как в провал,
в оконное стекло.
Эх, милый,
где же ты пропал?!
Уже полночи прошло!

Когда-нибудь меня одну
ты ночью оставлял?
И жмусь я к черному окну:

так где же ты пропал?

Так как же вдруг
твоя любовь
доверила меня
вот этой полночи без снов,
без одного огня?!

Я СМЕЮСЬ

Встретишься сегодня — я смеюсь.
Встретишь меня завтра — я смеюсь.
Если в сердце радость, я смеюсь,
и смеюсь,
когда на сердце грусть.

Мне самой не нравится мой нрав,
только, видно,
знаю лучше всех,
что целебней всех
целебных трав
для людей их собственный же смех.

Может, не в своем она уме? —
на меня при встрече смотришь ты.
Где тебе понять,
что смех во мне —
лишь противовес моей беды.

Если я свой смех утрачу вдруг,
появлюсь с лицом серьезным я,
то тогда представь себе,
мой друг,
вовсе не узнаешь ты меня.

Ты и так все время в стороне.
Ну а я — смеюсь, смеюсь, смеюсь...
Где тебе понять,
что страшно мне,
что вослед расплакаться боюсь.

* * *

Нет, ничто меня не испугает,
страха жизнь моя совсем не знает.

На поклон — поклоном отвечаю,
улыбнутся — улыбнусь в ответ,
уважаемого — уважаю,
а неуважаемого — нет.

Нет, ничто меня не испугает,
страха жизнь моя совсем не знает.

Никого я шутке неуместной
не подвергну,
зря — не укорю.
Говорю лишь то,
что мне известно,
лишнего ни с кем не говорю.

Нет, ничто меня не испугает,
страха жизнь моя совсем не знает.

Испугать меня?
Нет, невозможно,
невозможно с толку сбить меня!
Лишь с тобой
всегда я осторожна:
что ни слово — взвешиваю я.

Где мне знать,
что в слове ты найдешь,
как его поймешь и повернешь?

ЧЕЛОВЕК МОРЯ

Ах, как море любит моряк!
Любит в штиль его
и при шторме.
Он без моря
не может никак.
Моряка только море кормит.

Только милостей никаких
он от моря не ждет беспечно,
знает:
море в руках своих
жизнь и смерть его
держит вечно.

Знает все он,
и все равно
любит это исчадь природы,
длинным килем он щупает дно
так,
как будто бы щупает годы.

Все от моря моряк берет.
Вот и я на него похожа:
жизнь то гладит меня,
то бьет,
но всегда остается хорошей.

И любовь моя к жизни
храбра,
и в обиде
души в ней не чаю.
Пусть бывает ко мне недобра,
я ей только добром отвечаю.

За один лишь наказ:
«Живи!» —
принимаю любую горечь.
Не могу я без этой любви,
как моряк
не может без моря.

НИКТО НЕ ХОЧЕТ СМЕРТИ

О, смерть — не частность жизни
и всем принадлежит,
ведь всем до смертной тризны
добраться предстоит.
Но смерть я ненавижу,
и смерти я боюсь,
но в страхе не унижусь,
унизиться страшусь.
Не дай бог,
чтоб сказали:
«Угасла цель ее —
с умершими глазами
ушла в небытие».
Пусть не дожить мне века, —
не страшно ни черта, —
сама закрою веки,
жила бы ты, мечта!
Чтоб ты в глаза глядела
народу моему,
отдам земле я тело,
а душу — никому.
Никто не хочет смерти.
Смерть — собственность ничья.
И все свое усердье
храню для жизни я.
О жизнь, я твой посыльный!
О смерть, когда-нибудь
своим трудом посильным
тебе отрежу путь!

ДВОЕ НА БЕРЕГУ

Средь белого дня
на морском берегу

людей как ромашек
на сочном лугу.
Средь летнего дня
на горячем песке
двое забылись —
рука в руке.
Средь летнего дня
у других на виду
двое сидели,
как в темном саду.
Ни день и ни море,
ни шум и ни гам
не мешали губам
тянуться к губам.
Они целовались
у всех на виду,
они обнимались,
как в темном саду.
А женщины
будто не видели их,
и мужчины
как будто не видели их.
Лишь дети,
гоняя спасательный круг,
натыкались на них
и глядели вокруг
то с усмешкой,
то с очень серьезным лицом
на прекрасном своем
побережье морском.
А небо бездонно
синело вдали,
безразлично всегда
к поведенью земли.
А море...
О, море!
Что-то в сердце морском
закипало, вздымалось,
как в сердце моем,
и, волну за волной
подняв на бегу,
разлучило двоих
на своем берегу.
То ли злилось оно,
то ль хотело узнать —
то любовь или стыд,—
как все это понять?..

СКРЫВАЛОСЬ СОЛНЦЕ

Скрывалось солнце за хребтами,
цеплялось за уступы круч.

Соприкасаясь с ледниками,
ослабевал закатный луч.

И в час,
когда он так невнятно
светил
и даль была тиха,
всем этим миром необъятным
владела песня пастуха.

Шелками блеклыми казалась
трава.
Лениво вдоль реки
шли овцы,
и земли касались
тяжелые их курдюки.

А рядом с пастухом —
собака
подремывала на лугу,
но уши чуткие, однако,
она держала начеку,

Чу! Шорох —
и она рванется
в зашелестевшие кусты...

И вот уж закатилось солнце
за молчаливые хребты,
и тень вдруг в несколько гектаров
легла на склон,
и день потух.
Но все еще паслась отара,
покамест пел свое пастух.

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО

Как девочка маленькая,
под яблоней я сидела.
На яблоне той яблоко
последнее висело.

И вдруг упало с веточки
раз и навсегда,
напоминая птенчика,
что выпал из гнезда.

И что-то тихо хрустнуло
под яблоней
и во мне,
и что-то очень грустное
привиделось во сне.

Нет, я ничуть не плакала,
лишь поняла одно —
нельзя смотреть на яблоко,
когда одно
оно.

* * *

Маленькая девочка
мелочь подбирала.
Точно как игрушками,
деньгами играла...

Похожая на бабочку
в платице коротеньком,
по полу катила
медные колесики.
Пятачок — за двушкой,
двушка — за копеечкой
по полу катились,
и смеялась девочка.

Маленькая девочка
мелочь подбирала,
будто бы игрушками,
деньгами играла...
То подбросит к потолку,
то покатит по полу
и летит вдогонку
бабочкою по полю,
за желтыми монетами
бежит она вдогонку,
словно за цыплятами.
И смеется звонко!
И смех бегущей девочки
похож на звон копеечек,
а звон самих копеечек
как смех бегущей девочки,
и вновь игрушки звонкие
летят с подола платица,
совсем не страшно девочке,
что в щель они закатятся,
что можно не найти,
что можно потерять...

А за штопкой в комнате —
девочкина мать:
на пяточки,
на двушечки
с тревогою косится —
как бы тем игрушечкам

в щель не закатиться!
Встать,
собрать бы мелочь ей
и сказать: «Нельзя!»,
объяснить бы девочке...
Но у той глаза
как два веселых солнышка
в двух окнах поутру,
и трудно
с места сдвинуться
и прекратить игру.
И наказать тут не за что —
ну что дитя поймет?
Вовсю смеется девочка —
лодочкою рот.
Маленькая девочка
мелочь подбирала,
точно как игрушками,
деньгами играла...

ГИТАРА

Гитара, гитара, гитара,
так и не знаю я,
кто твой создатель,
гитара,
и родина где твоя,

где дом твой —
Мадрид или Лондон,
Неаполь или Париж,
кому,
какому народу
по праву принадлежишь.

Ах, так ли важно все это?
Бежит за струной струна
по целому белому свету,
как за волной волна.

Повсюду —
твой голос звонкий,
и всюду,
куда ни пойдешь,
как собственного ребенка,
тебя прижимают к груди.

Вот так же сидит абхазец
с тобою на берегу,
и струны твои струятся,
и к волнам твоим бегу.
Гитара,

я — твой болельщик
и слушать могу без конца.
Ты нравишься мне не меньше,
чем милая абхерца*

Слагаешь ты радости ради
песни в абхазском дому.
И все-таки
кто твой создатель?
Спасибо, спасибо ему!

* *Абхерца* — абхазский музыкальный инструмент.

МЕЛЬНИЦА № 4

Эта мельница не восстановлена, оставлена как исторический памятник Сталинградской битвы.

Мне тяжело смотреть на эту мельницу,—
вся от макушки и до пят черна.
давным-давно на ней
зерно не мелется, и каждый знает:
боль ее — война.
Здесь, в Сталинграде,
где фундамент каждый
замешен был на крови и золе,
ее не воскресили волей граждан
для граждан всех, живущих на земле.

Как черный рашпиль в небе синем-синем
она стоит без света и зерна,
и в ней, как ни в одном углу России,
прошедшая война отражена.

НА МОГИЛЕ ГЕРОЯ

— Не здесь лежишь, сыночек милый?
Не здесь ли? —
Плач насторожил нас.
То над испанскою могилой
искала сталинградка сына.

И двинулись мы к обелиску...
Перед венком,
в цветах России,
пестрели буквы близко-близко:
«От матери родному сыну».

Лицо смотрело из гранита
живое, как из амбразуры,
Лицо смотрело из гранита

живое, как из амбразуры,
и говорило нам открыто:
я сын двух родин,
сын — Ибаррури.

АБХАЗЕЦ И МОРЕ

Раз в году
ради моря и солнца
приезжаешь к нам, друг, погостить.
И ни разу не удается
нам как следует поговорить.

Раньше солнца ты море будишь,
тормошишь
голубую тишь.
Ну а в полдень, когда все люди
отдыхают,
ты в лодке спишь.
И когда погружается солнце
в глубину,
чтоб забыться сном,
золотистость его остается
на ликующем теле твоём.

И ныряешь ты в волны ночные —
вместе с чайками заодно.
Так вот все свои дни отпускные
делишь с морем,
как с другом вино.

Каждый раз,
распростившись с морем,
неохотно в полночный час,
с удивлением и укором,
с сожаленьем глядишь на нас:

неужели вам, местным, чуждо
ваше море,
что редко так
вы общаетесь с этим чудом?..
Ах, наш милый гость,
ты — чуждак!

Мы о море
с тобой не спорим,
улыбаемся лишь в ответ:
у абхазца крупней, чем море
и чем горы,
богатства нет.

И верны мы морю до гроба.

Ведь не отпуск оно,
а быт!
И еще в материнской утробе
Черным морем абхазец омыт.

АФОНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Фрески, фрески — до потолков...
Фрески — лики святых и богов...
Яркой краской в кельях пестря,
вьется роспись монастыря,
то сочно-коврово растет из стены,
то в каменном своде — синь вышины,
то озером тихим, прозрачным до дна.
кажется купола голубизна.
Голубизна со стен расписных
являет лики богов и святых,
и без священника крестит тебя,
и без священника святит тебя.
Фрески... фрески... Нет им числа —
то огромность чела, а то кротость чела.
В назиданье небу, в назиданье земле
Иисус Христос поник на стволе.
Христос, Христос, тяжелее, чем медь,
до каких тебе пор на распятыи неметь?
До каких же пор будет падать чело?
Не повезло тебе, не повезло ...
Святая Мария со дна потолка
плывет, светлоока, добра и строга.
Святую Марию увидел бог.
Он, даже распятый, глядит в потолок.
Он выше Марии, он выше других
из фресок к нему обращенных святых.
Он — выше.
Кому ж поклонился сам бог?
Иль над властью господней есть выше порог?
Кому ж поклонился он в звездной тиши?
Иль душа есть выше божьей души?
Или, может, у бога есть тоже бог?
Нет, земля одного ввела в свой чертог
и веками кланялась только ему,
ему одному, ему одному...
Но стойте! Вот чудо еще из чудес —
длинноухий мул глядит с небес,
озирается недовольный мул,
как будто бы все здесь
должны ему,
как будто бы поминальной порцией он
в священном храме был обойден.
Жалким взором мул провожает их,
тех, кто слева и справа, в обличьях святых,
кто мимо него прошагал в пустоту.

Мул из фрески глядит, одинок и сутул,—
тот — чужой, и этот святой — чужой...
Что их лица? И кто знаком с их душой?
Нет, не причастен из них ни один
той земле, где ты вырос, монастырь-исполин,
той земле, где ты краски для фресок обрел,
той земле, в чью историю ты вошел.
Ведь ни этот лик, ни тот, ни другой
никого не напомнит земле дорогой,
на которой Афонский стоит монастырь.
О Афон, неужели ты пуст, как пустырь?
Ну хотя бы в одной бы келье твоей
были лики тебя окружавших людей,
тех, которым земля, где стоишь ты века,
словно мать своим детям, всегда дорога,
и священной она всех богов и святых!
Где те люди на стенах твоих расписных?
Их любовь и беда, их дорога и кров?
Неужели они — не творцы потолков
Или стен твоих вогнутых, как лепестки,
в твоих кельях, где синью сквозят потолки?
Как же мог ты унижить святой свой удел
и на что ты, возвысясь, всю жизнь глядел,
коль лица человеческого не явил?
Ты из всех, кто по этой земле ходил,
одного лишь мула в себе отразил...
Неужели мул был достойней людей?
Не пойму я росписи странной твоей!
Не могу я спокойно на это смотреть.
Что, скажи мне,— рожденье, что — жизнь,
а что — смерть?
О, мог ли ты знать на своих небесах,
как жил мой народ на семи ветрах?
На перекрестке семи дорог,
как жил он веками, знать ты не мог, —
и какие морщины слагались на лбу,
и как пытал он свою судьбу!
Тебе ли знать,
тебе ли видать,
тебе ли чувствовать,
тебе ли сказать?

О нет!
Без веры и дня жить народ мой не мог —
был у него всемогущий бог!
А богом народа была доброта,
труд его, совесть, честь, чистота.
И эта вера была велика
и жить помогала народу века.
Афонский монастырь,
Афонский монастырь,
где к сердцу народа твои мосты?
Чем хвастаешься сегодня, скажи?

Росписью стен, не раскрывшей души?
Светит купол небесный в келейной мгле...
Ты — только фреска на этой земле...

ВСЕГДА СО МНОЙ

Когда из Сухуми я уезжала,
когда поплыл сухумский вокзал,
как вы думаете,
что меня провожало
или кто меня
сопровождал?

А меня провожало все — и доверие,
и любовь,
и надежда,
и друг.
А меня провожала
сама материя,
а меня провожал
сам дух:
сами горы, и солнце горное,
и родимое море Черное.

Шел стрелою мой скорый поезд,
и вплотную почти —
волна.
И чтоб видеть ее,
по пояс
я высовывалась из окна.
Поезд шел,
и шло параллельно
море, море...
И только оно
бесконечно и беспредельно
заполняло собой окно.
Провожало,
как будто встречало,
лило радостную слезу,
подлетала волна
белой чайкой
прямо к быстрому колесу.

Время катится...
Море катится...
Вдруг взметнется
волна за окном —
и покажется,
что красавица
мне махнула белым платком.
Поезд мчится —
и волны мчатся

с белым парусом за спиной,
словно в белых рубахах
красавцы
женихи —
в погоне за мной.
Поезд — прямо.
И море — прямо.

И сквозь зов его
слышу я,
как протяжно зовут меня:
«Ма-а-ма-а!» —
мои дети —
судьба моя.
...Вот и прибыла я на место.
И хоть моря нет под рукой,
все ж осталась я с морем вместе
оказалась
в волне людской.
Ах, в столице
столько народа,
что ни улица —
новый вал!
Только терпкий запах йода
мне ночами спать не давал.
И могла ль оставаться подолгу
я вдали от соли морской?
И я заняла
верхнюю полку,
заспешила к себе домой.
И опять,
обгоня друг друга,
к рельсам чайками
волны неслись,
и я плакала,
словно разлука
не неделю длилась,
а жизнь...

СТИХ И МОРЕ

Падают на море белые чайки,
словно цветы
к окончанью весны.
Волны бьют в берег,
как будто в отчаянье
от тысячелетней своей седины.

Нет покоя у моря гудящего —
вечно в движении,
вечно в бою.
Боюсь и смотреть я

на море спящее,—
как от себя, от него устаю.

Чутко прислушиваюсь
к сердцебиению
в сон его — в штиль его.
Море, проснись!
Счастлива я
только в пору волнения,
море шумит,
и стихам моим — жизнь!

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Твоя любовь — приливы и отливы.
В барашках волн неверная вода.
То говоришь мне: — Я такой счастливый! —
То вдруг уйдешь, и день — как тень тогда.

По пустыкам мы ссоримся беспечно
С крутой непримиримостью врагов,
Как будто в этом мире жить нам вечно,
А помириться — пара пустыков.

Твоя любовь — как волны с пеной зыбкой,
Которые упрямо с давних пор
То к берегу ласкаются с улыбкой,
То мчат во весь опор и бьют в упор!

Ты любишь — так. Моя душа — твой берег.
Засыпь камнями, в лед одень и брось, —
Горячая, она все так же верит,
Что нам нельзя, нельзя с тобою врозь!

Под толщей льдин — рокочущей пучиной
Моей души кипящее литье.
О, был бы ты действительно мужчиной,
Когда сумел бы охладить ее...

ХОЗЯИН

Вот от земли — какие-то вершки.
Стоит он, руки — в брюки по-мужски...
В карманах тонут тонкие ручонки.
А сад со всех сторон взметнул к мальчонке
Весенние тугие лепестки.

Ребенок смотрит на цветущий сад,—
Еще малыш, он по-хозяйски рад.
Деревья, что полны весенней силы,
В нем чуют властелина. Потому

Они так ароматны и красивы:
Им хочется понравиться ему...

* * *

Смела я. Меньше ли смела,
Чем те, чье сердце нараспашку?
А вот ни слова не смогла
Сказать, когда мне стало тяжело.

Когда любовь ко мне пришла —
И разрешенья не спросила! —
Я словно бы язык прижгла,
В смятенье больно прикусила.

Быть может, я боялась слов,
И взглядов, и рукопожатий,
Чтоб не спугнуть свою любовь,
Чтобы ничем не помешать ей.

Теперь и ты и я — одно,
Две жизни жизнь в одну связала!
Твержу: — Люблю! — И все равно
Боюсь: а вдруг не так сказала?!

ДИОСКУРИАДА

Абхазскому городу Диоскурия, который погрузился в море.

Кто же тебя видел,
Наших гор громада,
Вод простор зеркальный,
Тихий по весне.
Кто же тебя видел,
Пусть расскажет мне!
Кто на свете знает,
Что с тобою случилось,
Кто твой мир разрушил,
Растревожил сны.
Отчего лишь память
О тебе осталась,
Кто об этом знает,
Дочь моей Апсны?*

На высоких скалах —
Синих волн отрада,
Та, чье имя славит
Всю мою страну,
Тихо отдыхала
Диоскуриада.
Кто спугнул красавицу
Кто столкнул в волну?
Видно, это гордый

Сын отрогов горных
Крадучись спустился
С гор высоких к ней,
Чтоб ее похитить,
Чтоб на тропах голых
Засиял на годы
Свет ее огней.
Но, ему на горе,
Та любила море
Больше гор могучих,
Больше рощ и рек.
И, любви к ней полны,
Расступились волны,
Диоскуриаду
Приняли навек...

** Апсны — Абхазия.*

МОЕ СЕЛО, МОЯ ОТРАДА

Мое село, моя отрада,
Тебе навеки отдана
Моя любовь. До дна. Одна.
И никаких наград не надо!

В разлуке мы, мне годы — месяц,
И, как по матери — дитя,
Я плачу по тебе, грустя,
Не нахожу в тревоге места.

Когда же встречей наслаждаясь,
Я говорю, любви полна,
Что здесь, в селе, я рождена,
То как бы вновь и вновь рождаюсь.

На твой порог всегда несмело
Ступала я. Но ты меня
Средь ночи и в разгаре дня
Хозяйкой принимать умела.

Куда бы я ни уходила,
Во мне, поставив все вверх дном,
Пьянящим молодым вином
Твоя поэзия бродила.

Как не расстаться мне с собою,
Так не расстаться и с тобой,
С твоей заботой и борьбой,
С твоей дорогой и судьбою.

Ты колыбель мою качала,

Вела на подвиги, на труд...
Мне кажется, в тебе берут
Народ и родина начало!

ЗДРАВСТВУЙ, СТЕПЬ!

Кто это в самом начале дня
гладит меня осторожно,
кто так заботливо будит меня,
тянет взглянуть в окошко?

Ах, это солнце, как медный таз,
прямо к стеклу прилипло
и разбудило,
и я тотчас
тоже к стеклу приникла.

А за стеклом,
за окном купе,—
поле, поле и поле...
И так ослепительна эта степь,
что жмуришься поневоле.

Озера разбросаны по степи,
словно бы ломтики неба.
И куда ни взгляни,
куда ни взгляни —
желтые волны хлеба.

как волны морские — за кораблем,
за комбайнами — волны пшеницы.
О степь!
Еще в раннем детстве моем
ты мне начинала сниться.

И вот, пополам разделив твой простор,
проходит мой поезд синий...
Прими же, степь,
дочку моря и гор!
Здравствуй,
здравствуй, Россия!

Тарба Нелли Золотинковна
КАПЛЯ В МОРЕ

М., «Советский писатель», 1968 г. 84 стр.
Тем. план выпуска 1968 г. № 316

Редактор И. М. Харабаров
Худож. редактор Н. С. Лаврентьев

Техн. редактор Н. Д. Бессонова
Корректор Л. Э. Казакевич

Сдано в набор 15/11 1967 г.
Подписано к печати 13/11 1968 г.
А 05330. Бумага 70x108 1/32. № 1
Печ. л. 25/г(3,67). Уч.-изд. л. 2,6
Тираж 10 000 экз. Заказ 423.
Цена 30 коп.

Издательство «Советский писатель»
Б. Гнездииковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

*(Сканирование - Асида Ломиа, вычитка — Абхазская интернет-библиотека,
<http://apsnyteka.org/>.)*